

УДК: 343.9

О ВОЗМОЖНОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Ю.Л. Приколотина,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук

Криминологические исследования феномена насилия необходимо признать относительно самостоятельным и вполне устоявшимся направлением современной криминологии, стремящимся к институционализации в форме частной криминологической теории [1, с. 116]. Это притязание вайолентологии следует признать вполне соответствующим тенденциям современного научного знания – дифференциации исследуемых феноменов и специализации исследователей, выступающим средствами обеспечения достижения максимально конкретного научного результата.

Обособление вайолентологии не в меньшей мере оправдано существенными отличиями присущих насильственному поведению и насильственной преступности закономерностей криминологического характера (правовой природы, детерминационного процесса, криминогенных характеристик личности и т.д.). Абстрагирование более высокого уровня позволяет вычлнить феномен «насильственного» и оперировать им.

Институционализация вайолентологии в равной мере вызвана к жизни рядом иных, не менее значимых, процессов, одним из которых является обновленный социальный дискурс, вызвавший значительный и стойкий интерес к исследованию насилия. Множественность исследований насильственного поведения инасильственной преступности (в особенности, насилия в семье и насилия в отношении женщин) может быть пояснена тем, что насилие (в особенности, его рост) является одним из последствий и, что немаловажно, индикаторов дисфункциональности общественных институтов (ценностно-нормативных образований, составляющих фундамент социальной жизни, и обеспечивающих единство и стабильность социума), вызванной социальными трансформациями.

Иным, не лишенным смысла и не вступающим в противоречие с приведенными выше, гипотетическим объяснением повышенного интереса к насильственному как таковому является трансформация общественного сознания, повлекшая изменение правовой оценки ситуаций употребления силы и соответственно трансформацию методологии исследований. Закономерным является то, что изменение признаков отнесения деяния к насильственному (в том числе криминализация/декриминализация) обуславливают изменение результатов исследования насильственного поведения и насильственной преступности как социального феномена. В этом случае уже сами ценностно-нормативные образования подвергаются ревизии на предмет способности вызывать совершение насилия. В этой связи показательной является следующая мысль, выраженная исследователями И.В. Сошниковой и Г.А. Чупиной: «Тот факт, что проблема семей-

ного насилия ныне осознается как глобальная, невольно наводит на мысль, что указанный феномен имеет не только антропогенную и социально-психологическую природу: его корни уходят в систему ценностей и целей современной цивилизации, которая включает компоненты насилия в систему экологических, экономических, политических, межэтнических, межгосударственных отношений. Общество, заряженное на насильственные способы решения многообразных социальных проблем, продуцирует насилие и в частной сфере жизни» [2, с. 175].

Ряд упомянутых выше преобразований закономерно не мог не обусловить трудностей в части исследования насилия – объяснение насильственного поведения и насильственной преступности, предпринимаемое криминологами, все еще составляет достаточно серьезную проблему. Как показывает опыт, поведение человека может быть полноценно объяснено лишь посредством задействования в интерпретационный процесс всех структур личности, ответственных за человеческие отправления, либо сопряженных с таковыми. Юридическая наука, хранящая свои методологические основы, хотя и трансформирующая их, стоит на позиции ограничения объяснений, апеллирующих к биологической природе человека, обращаясь к сфере самоуправления личности, понимая личность как сознание, как автора деяния. Для криминологии как юридической науки все еще характерно обращение в процессе интерпретации криминального поведения либо масштабных криминогенных процессов к нормативной составляющей как социума, так и личности.

Актуальная криминологическая наука тяготеет к социологической парадигме, стремясь совместить социологические и социально-психологические теории. Это вполне закономерно, учитывая противоречивость (парадоксальность) современного мира и жизни современного человека. Наблюдаемая повсеместно борьба за свободу человека (права человека), инициированная необходимостью защиты личности от государства в условиях всегда наличествующей опасности авторитаризма и тоталитаризма, сопрягается с усилением воздействия коллективных надындивидуальных феноменов, с этой свободой несовместимых.

Перспективным в этом отношении методологическим шагом, позволяющим совместить классическую интерпретацию насильственного поведения и идеями социологического направления, является применение понятия социального стереотипа и модели социальной стереотипизации в процессе изучения криминогенных (виолентогенных) явлений. Социальные стереотипы, представляя собою продукт коллективного взаимодействия бессознательного характера, будучи обусловлены способом своего формирования и распространения, могут быть рассмотрены в качестве феноменов, вовлеченных в процесс продуцирования и воспроизводства насильственного поведения. Социальность стереотипа состоит в том, что он детерминирует восприятие личности и одновременно восприятие личностью того либо иного факта, процесса.

При всей сложности феномена социального стереотипа, выраженной в многообразии его определений, и осложненной эволюционированием его понимания, в современной социальной психологии он понимается преимущественно как обобщенное, устойчивое, шаблонное, эмоционально насыщенное,

связанное с социальной ценностью и мало зависимое от эмпирического познания представление о социальных объектах, которое усваивается индивидом в процессе взаимодействия, слабо рефлексировано и обладает способностью к автономному воспроизведению [1, с. 7-8]. Проблема стереотипов, стереотипичности приобрела свою значимость в связи с теми действительными изменениями в общественном сознании, которые представляют собой искаженное восприятие действительности либо способствуют ему.

В настоящее время понятие стереотипа имеет преимущественно негативное значение. Итогом такой трактовки является выявление криминогенных стереотипов, навешивание на них ярлыка и полное отвержение. При этом в качестве замены им предлагаются суждения, которые по природе своей так же стереотипичны. Типичным примером является реагирование на выявленные гендерные стереотипы. Однако привнесение в тело культуры чужеродных ей стереотипов является в равной степени криминогенным.

Альтернативным пониманием социального стереотипа является гипотеза О. Клайнберга о «зерне истины». Она заключается в том, что в стереотипе содержится более истинного знания о социальном объекте, чем ложного [1, с. 11]. Так, согласно мнению Р.Ф. Баязитова, авторитарный стереотип является превращенной формой иерархического идеала. Такой подход может с успехом быть применен в исследовании насилия как формы отклонения. Полагаем, что деконструкция стереотипа должна служить не только и не столько цели его опровержения, сколько цели выхода на первоначальную ценность, первоначальные ценностные смыслы, лежащие в основании стереотипа. Социальному сознанию обычно приписывают стихийность, некритичность, ложность, что можно расценивать как криминогенные факторы. Однако употребление принципиально иного подхода к социальному стереотипу открывает возможности для последующего осознания лежащей в их основании ценности. В связи с этим У. Липманн утверждал, что стереотипы выполняют не только функции ориентации и экономии усилий, но и защищают социальные ценности, традиции [1, с. 32].

Приведенные выше вынужденно ограниченные размышления призваны привлечь внимание к возможности использования понятия социального стереотипа в качестве инструмента исследования насилия в семье, а также акцентировать внимание на способе его использования. В этой связи вопрос криминолога приобретает следующую формулировку: «Какие социальные феномены вызвали искажение первоначальной идеи семьи и каковы возможности ее восстановления?».

Список использованных источников:

1. Баязитов, Р.Ф. Авторитарный стереотип : сущность и проявления в социальных взаимодействиях / Р.Ф. Баязитов / Нижнекамск : Изд-во НМИ, 2006. – 175 с.
2. Сошникова, И.В., Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска / И.В. Сошникова, Г.А. Чупина // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2010. – №20. Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. – С. 174-188.
3. Шестаков, Д.А. Частная криминология в структуре науки о преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – № 2(15). – 2008. – С. 114-118.